

Л.Е.Бляхер, А.В.Ковалевский
БЕЗ ЛИДЕРОВ,
ЛОЗУНГОВ И ТРАНСПАРАНТОВ:
БОРЬБА ЗА ГОРОД
И РУТИННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ
В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ ГОРОДОВ
ВОСТОКА РОССИИ
На примере Хабаровска

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Андрей Владимирович Ковалевский — аспирант кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: fakzy79@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются формы рутинного сопротивления сообщества, сложившегося на месте советского частного сектора в городах, расположенных в восточной части России. Несмотря на активное наступление регулярной застройки, эти пространства и сейчас составляют значительную часть городов. Но в отличие от советского периода, когда проживание там осознавалось как вынужденное и временное, сегодня такая форма проживания представляет собой осознанный выбор. В бывшем частном секторе складывается сообщество, в основе существования которого лежат ценности, социальные и коммуникативные практики, формы хозяйственной деятельности, заметно отличающиеся от официальных. Это сообщество «производит пространство», соответствующее своему образу жизни. Для официальной же власти (государственной и городской) это пространство оказывается «пустым», представляя как «перспективные территории развития». Его население остается для нее невидимым. Это порождает латентный конфликт, вызывая к жизни формы сопротивления, описываемые в статье. При всем разнообразии таких форм главное, что их объединяет, — это стремление дистанцироваться от государства и регулируемого им города.

То же стремление авторы обнаруживают и у другой, гораздо более статусной группы горожан — жителей городских коттеджных поселков. По их

заклучению, истоки такого стремления кроются в том, что, нуждаясь в солидарном сообществе, житель российского города имеет немного возможностей обрести его в рамках сложившихся городских структур и потому выстраивает свою жизнь «за городской стеной», создавая аналоги досовременных европейских муниципалитетов. Оставшаяся же «городская» часть города все больше превращается в замок феодала, откуда время от времени выходят войска, чтобы наказать «бунтовщиков».

До тех пор, пока у феодала есть понимание того, что горожане ему на самом деле нужны, а у них — возможность «ускользнуть» от удара, ситуация выглядит стабильной. Когда же набеги становятся слишком частыми, а ускользнуть не получается, население идет на штурм. На данный момент, судя по отношению исследуемой в статье группы к митингам в защиту экс-губернатора С.Фургала, пространство для маневра у власти еще имеется. Но вопрос, как долго оно будет сохраняться, остается открытым.

Ключевые слова: Хабаровск, частный сектор, социальное пространство, местное сообщество, солидарность, рутинное сопротивление, политизация

Одной из особенностей наших дней стало волшебное превращение в политику того, что еще недавно едва дотягивало до малозначимых и вполне частных проблем местного самоуправления, а то и вообще «бытовых вопросов»¹. О политизации российского общества пишут² и говорят. Но в условиях дробного и эклектичного политического ландшафта³ разговор о российском обществе вообще чаще всего обрачивается производством метафор, становится литературой или публицистикой. Тем не менее очевидно, что рост низовой политической активности уже является фактом в самых разных регионах страны. Для того чтобы понять, почему именно там и именно в такой форме возникла политизация, стоит обратиться к тем сферам, которые содержат в себе латентный конфликт, способный стать или уже ставший политическим.

Одна из таких сфер — активно идущее в постсоветские годы наступление регулярной городской застройки на локацию частного сектора российских городов. Казалось бы, процесс этот полностью позитивный, способствующий повышению качества жизни населения⁴. Соответственно, причин для недовольства здесь просто не может быть — во всяком случае, для массового недовольства, которое имеет смысл рассматривать в политологической статье. Однако оно возникает в самых разных городах и в разных формах. Относительно редко подобное недовольство находит выражение в протестных движениях⁵, гораздо чаще проявляясь в социальном напряжении, фиксируемом при массовых опросах (Липецк, Екатеринбург и др.). Складывается впечатление, что власти и сторонники «умного города» не учли какую-то важную часть города и горожан.

¹ Данилов 2014.

² См., напр. Павловский 2019.

³ Каганский 2013.

⁴ Стариков 2019.

⁵ Мелешенко 2017.

В свое время Александра Островского называли «Колумбом За-
 москворечья»⁶. Он открыл для «просвещенной публики» целый мир,
 который хотя и существовал рядом с привычным и обыденным, но
 оставался невидимым, неназванным. До момента поименования этот
 мир был лишь испорченным вариантом «правильного» мира. С легкой
 же руки Островского он предстал «другим» — со своими интересами
 и ценностями, со своими способами их отстаивать. Нечто подобное
 происходит сегодня с частным сектором (частной усадебной застройкой)
 и пригородами российских городов⁷.

⁷ Григоричев 2013

⁸ Глазычев 1995.

⁹ Лейбович,
 Кабацков
 и Шушкова 2004.

На протяжении всего советского периода такие локации мыс-
 лились как властью, так и самими жителями в качестве временных,
 незавершенных, не вполне освоенных участков города. Когда-нибудь,
 в светлом будущем, они исчезнут, вытесненные регулярной городской
 застройкой⁸. Но время шло, города менялись, а частный сектор про-
 должал занимать в них огромные территории⁹, в некоторых случаях
 составляющие от трети до половины городского пространства. При
 этом и в советский, и в еще большей степени в постсоветский пери-
 од сами эти территории продолжали рассматриваться как «пустые». Даже
 в официальной лексике они фигурировали как «перспективные
 территории развития», то есть не город, а то, что должно быть го-
 родом освоено.

¹⁰ Махрова
 и Кириллов 2014.

Тот факт, что в этих локациях сформировался особый — не город-
 ской, но и не деревенский — образ жизни, особые формы коммуника-
 ции, просто не считывался внешними наблюдателями. Возникнув как
 нечто вынужденное, связанное с элементарной нехваткой городского
 жилья в годы массового исхода из деревни в город, это пространство
 постепенно обрело самость, неожиданную для теоретиков градострои-
 тельства, да и для самих жителей¹⁰.

¹¹ Werlen 1995.

¹² См., напр.
 Казакова 2017.

Но проблема в том, что открытие этих особых пространств, про-
 изошедшее в социологии, не успело или не смогло распространиться на
 область общих воззрений, в том числе воззрений власти. Как показал
 Бенно Верлен¹¹, город представляет собой определенный набор знаков
 (текст, текстуру), предполагающий столь же определенные правила их
 считывания. В условиях, когда привычных знаков не обнаруживается,
 пространство воспринимается как «пустое», то есть не освоенное горо-
 дом. Более того, как свидетельствуют исследования¹², пространство это
 оказывается не только «пустым», но и враждебным. Его не только мож-
 но, но следует освоить, сделать безопасным.

¹³ Wacquant 2016.

¹⁴ Renfrew 2013.

Данный подход в известной мере восходит к международной тра-
 диции анализа таких объектов¹³, опирающейся главным образом на
 материалы исследования городов Латинской Америки. При всем гума-
 нистическом пафосе подобных работ рассматриваемые в них районы
 трактуются авторами как опасные. Проживающим там людям нужно
 помочь, их надо защитить, дестигматизировать. То есть сами районы
 по-прежнему предстают пустыми и враждебными, а их жителям припи-
 сывается исключительно страдательная роль¹⁴.

¹⁵ Тихонова
и Горшкова 2014.

Вполне возможно, что для Латинской Америки этот взгляд вполне релевантен. Но при перенесении его на российские реалии (скажем, в традиции «ландшафтов бедности»¹⁵) возникают не вполне адекватные ситуации смыслы и действия. Именно он и выступает спусковым механизмом для «наступления» власти (городской, региональной и далее) на частный сектор с целью превратить эти опасные и пустые локации в привычные и рутинизированные. Но дело в том, что «пустыми» эти территории являются только для внешнего наблюдателя.

¹⁶ Лефевр 2015.

На этих территориях живут люди, которые, в терминологии Анри Лефевра¹⁶, «производят пространство», соответствующее их образу жизни. Под производством пространства мы понимаем создание не только и даже не столько некоторой системы артефактов, сколько способов наделения наличных (или сотворенных) артефактов определенными социальными смыслами, которые предполагают столь же определенные виды деятельности и коммуникации и препятствуют осуществлению других. Подобное производство пространства, как мы покажем ниже, происходит и в случае российских городов. Соответственно, наступление на это пространство становится и наступлением на его жителей. При этом для них совершенно неважно, какими благородными и прогрессивными целями оно оправдывается. Их пространство, их образ жизни подлежат уничтожению.

¹⁷ Scott 2011.

Естественно, что эти действия вызывают сопротивление. Последнее редко воплощается в протестные акции. Гораздо чаще оно реализуется через «оружие слабых»¹⁷. Формы противостояния жителей частного сектора культуртрегерам от власти мы и попытаемся описать в настоящей статье на примере Хабаровска. Выбор пространственного объекта анализа обусловлен несколькими причинами. Во-первых, подобные сообщества (жители частного сектора) довольно закрыты, избегают публичности и самопрезентации. В этих условиях для организации развернутого эмпирического исследования требуется высокий уровень доверия респондентов к интервьюерам. Такого доверия легче добиться в своем городе. Иными словами, то факультативное обстоятельство, что авторы текста проживают в Хабаровске, в нашем случае оказывается важной инструментальной предпосылкой самого исследования. Исследователь в этом случае автоматически занимает наиболее эффективную позицию. Как житель города он погружен в это пространство, а значит, способен ориентироваться в событиях, происходящих в нем. Но как наблюдатель он дистанцирован от него, тем самым получая избыток видения, необходимый для полноценного анализа и экстраполяции его результатов на иные объекты. Во-вторых, города востока России обладают спецификой, которая делает их особенно интересными с точки зрения поставленной нами исследовательской задачи. Дело в том, что крупные города региона, как правило, возникали и развивались почти без связи с окружающей их периферией, за счет массовых переселений извне. Они не вбирали в себя деревню. Потому в частном секторе этих городов (в том числе

Хабаровска) и сформировался особый образ жизни, отличный и от деревенского, и от привычного городского.

Эмпирическую базу нашей работы составляют несколько самостоятельных полевых исследований. И хотя эти полевые исследования объединяет скорее объект, нежели исследовательский вопрос, интерпретация полученного в ходе них материала позволяет выделить особенности образа жизни населения частного сектора, формы его коммуникации с политической властью и местным самоуправлением, способы противостояния внешнему давлению. Первое исследование, осуществленное в 2018—2019 гг. при поддержке РФФИ, включало в себя наблюдение и серию из девяти неформализованных биографических интервью с жителями хабаровских «предместий». Предметом исследовательского интереса был быт респондентов, организация хозяйства. Для включения этих данных в общий городской контекст в 2019—2020 гг. было проведено второе исследование. На основе анализа базы данных ЕГРЮЛ по частному сектору, публичной кадастровой карты, а также данных геоинформационных систем и официальной статистики был оценен масштаб «невидимого» пространства и «невидимых» жителей. При этом имевшаяся в нашем распоряжении коллекция интервью была дополнена семью новыми с несколько измененным гайдом, ориентированным на контакты с внешним окружением. В рамках этого исследования нашими респондентами выступали жители частного сектора и городских локаций, расположенных вблизи «пустых пространств». Наконец, во второй половине 2020 г. в целях выявления взгляда власти на исследуемые пространства были проинтервьюированы три представителя городской администрации, сотрудник правительства края и двое полицейских.

Однако прежде чем рассматривать противостояние или иные формы коммуникации между жителями частного сектора и властью, стоит описать сам частный сектор города и его обитателей. Точнее, не классический частный сектор советских времен, а его современное состояние, которое, как нам кажется, уместно обозначить термином «негородское пространство города».

Негородское пространство Хабаровска и его жители

Частный сектор как особый тип расселения в городах, противопоставленный сектору общественному (государственному), появляется в Хабаровске в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Именно в этот период обезлюдевший за годы гражданской войны и последующих антисоветских восстаний город восстанавливает население за счет миграции¹⁸. Хабаровск становится центром Дальневосточного края (существовал до 1937 г.) и Дальневосточного военного округа, превратившись, по сути, в основу советского Дальнего Востока¹⁹. Создание крупных производств, необходимых для обеспечения военного хозяйства, строительство военных городков и укреплений, формирование нового административного аппарата приводят к появлению в городе десятков тысяч новых жителей и, соответственно, к острому дефициту жилья²⁰.

¹⁸ Морозов 1988.

¹⁹ Ткачева 2013.

²⁰ Кулинич 2006.

Проблема частично решалась посредством возведения барачков и индивидуального строительства. Хотя, в отличие от значительной части городов страны, переселение из деревни в Хабаровск было не слишком массовым, в связи с элементарной нехваткой продуктов питания жители частного сектора начали воспроизводить сельскохозяйственные практики. Даже в центре города, к состоянию которого относились особенно трепетно, не редкостью было содержание домашнего скота и огородов²¹.

²¹ Морозов 1988.

²² *Здесь и далее данные приводятся по: Государственный архив Хабаровского края. Хабаровский городской отдел статистики Хабаровского краевого управления статистики Государственного комитета РСФСР по статистике; г. Хабаровск, 1932—2006 гг. Ф. Р928.*

Если на момент первой советской переписи население Хабаровска не превышало 20 тыс. человек, то к 1950-м годам оно достигло 280 тыс.²² При этом частная застройка занимала более половины территории города. Особенно интенсивно население города росло с 1960-х годов — прежде всего за счет организованных переселенческих потоков. К концу советского периода в Хабаровске было уже свыше 600 тыс. жителей.

Применительно к первой половине XX в. говорить о сообществе (или сообществах) проживающих в частном секторе, объединенных общими формами жизни, коммуникации и хозяйства и противопоставленных «правильным» горожанам, довольно трудно. Во-первых, в условиях неритмичного снабжения избыточного для региона населения (в виде военных и работников ВПК) сельские промыслы присутствовали повсеместно. Даже жители «городских» домов держали в сараях кур и свиней, имели участки под огороды. Только в 1960-е годы эти практики были вытеснены из центра города, причем не полностью. Еще в середине 1960-х годов городские власти обсуждали необходимость «борьбы» с домашними животными в центре, поскольку те портят вид города и разоряют клумбы на улицах²³.

²³ Врублевский 2013.

Во-вторых, сам факт проживания в частном секторе воспринимался как временный и случайный. Люди не столько строили там свою жизнь, сколько попадали туда с надеждой на скорейшее переселение в «нормальные дома». Об этом упоминается во всех случаях ретроспекции в интервью. В этих условиях становление какого-то особого сообщества населяющих частный сектор было маловероятным. Жители и усадебной застройки, и барачков, и городских многоэтажек составляли единое сообщество. В условиях советского Хабаровска подобные сообщества складывались вокруг заводов.

²⁴ *Крупное советское предприятие в северной части города.*

«У нас все родители, почти все, работали на заводе Кирова²⁴. Это очень объединяло, особенно в те годы. Тогда же все было от завода — и путевки на отдых, и мероприятия всякие. Не важно, где и кто жил. Мы все были „с Кирова“. Мы знали, конечно, что живем в Хабаровске. Но ощущалось, что наш район, он как бы отдельно. Не Хабаровск. Мы даже на демонстрации 1 мая или 7 ноября ходили не в центре, а возле ДК» (женщина, 59 лет, учительница).

Но со временем ситуация изменилась. Регулярная городская застройка вытеснила частный сектор и связанные с ним занятия только из центра. В остальных же частях города новые районы «обтекали» частную усадебную застройку. Временное проживание стало постоянным.

Именно тогда там и начало оформляться сообщество, противопоставленное «нормальному» городу. С одной стороны, пространство частного сектора было менее благоустроенным, менее городским. Необходимость топить печь, обслуживать дом, работать в огороде и т.д. снижала причастность его обитателей к собственно городским формам быта. С другой стороны, это было пространство, где намного слабее контроль, меньше «власти».

²⁵ Улица, примыкающая к частному сектору.

«Мы, если по молодости хотели спокойно выпить с друзьями, посидеть без проблем, шли в „деревяшки“ за Руднева²⁵. Туда менты даже не совались. Только наш участковый ходил. Он всегда все знал. Но мужик был нормальный, с пониманием. Там можно было, если деньги есть, и с водочкой посидеть. И никто не спросит: „Тебе сколько лет? Где твои мама с папой?“ Там все иначе было, чем в городе. <...> Да даже если нет денег, всегда можно сэмом [самогоном] разжиться. Там почти все гнали. Типа для себя и для хороших людей. Если кореш там есть, то не только сэма, но и помидорчиков с огурчиками на закусь дадут. В „деревяшках“ у всех свои помидоры, огурцы, картошка. Многие и свинок держали. Типа на мясо, на сало. У кого-то даже коровы были» (мужчина, 58 лет, работник СМИ).

Здесь важно подчеркнуть, что речь идет уже не только о «сельских» занятиях жителей частного сектора, но и об их выделенности из городского пространства, прежде всего из пространства власти, навязываемых ею норм. Причем все это имело место уже в 1970—1980-х годах, то есть в советские времена. Стоит отметить вполне сознательное противопоставление города и городского не-города. То, что запрещено в городе, нормально в частном секторе. Иными словами, там начинается формироваться и осознавать себя городской «другой». Он живет по иным нормам, иначе рассматривает и осваивает пространство города.

²⁶ Местное именование университета.

«Помните, там, где сейчас парк возле церкви, раньше было стрельбище Политэна²⁶ и сад ботанический. Это потом там все дорожками заставили, скамейками, беседками. Пруд вырыли. А в прежние годы — благодать. Лес чистый и луга до самой железки [железной дороги]. Вот там мы картошку садили. Там земля хорошая. Картошка была просто объедение. С одного участка на всю зиму запасали. Да все там садили — помидоры, огурцы. Все. Я там даже сарайчик пристроил. Иногда летом ночевал там» (мужчина, 61 год, бывший житель частного сектора).

Показательно, что ценностью для респондента является «пустая земля». Ее благоустройство воспринимается негативно. Оно разрушает «благодать». Между тем такое «разрушение» набирало обороты. Начавшись в еще советские годы, оно заметно интенсифицировалось в постсоветский период, когда оказалось, что у городских участков есть собственник и цена. В конце 1990-х — начале «нулевых» годов в ходе масштабной реконструкции усадебные строения почти полностью исчезли из центра. Атака на частный сектор велась в иных частях города. В рамках городской, краевой и федеральной программ переселения

из ветхого жилья частные дома сносились, а их жители переселялись в новые строения. На частный сектор советской эпохи наступали и коттеджные поселки, которые гораздо удобнее строить не в отдалении от города, а именно во «внутренней деревне», где не нужно самостоятельно проводить свет и воду и меньше проблем с легализацией строительства.

На первых порах возведение отдельных коттеджей (как правило, бывшими жителями частного сектора, добившимися успеха в новых условиях) не меняло ситуации в целом. Но массовое коттеджное строительство обычно влекло за собой исчезновение «городского инога». Новые коттеджные поселки уже были вполне вписаны в город. Открывавшиеся в таких районах магазины, предприятия сферы услуг и тому подобные элементы инфраструктуры оказывались слишком дорогими для прежних жителей, одновременно лишавшихся и возможности заниматься сельскохозяйственной деятельностью на «ничьей» земле. Все это приводило к их вытеснению, чему часто способствовали и владельцы коттеджей, «расселявшие» неудобных соседей. О таком положении дел неоднократно говорили респонденты.

К настоящему времени районы частной застройки охватывают около 18% территории Хабаровска. Там расположено 17600 строений, в которых легально проживает более 60 тыс. человек (10% населения города). И это только по официальным данным. Как показывает наблюдение, на практике число живущих в частных домах нередко намного превышает число зарегистрированных. Иными словами, речь по-прежнему идет о существенной части города и его населения.

При этом локализация строений частного сектора далеко не всегда исчерпывает производимое их жителями пространство. Пустыри, заброшенные промзоны и т.п. становятся областью активности негородских горожан. Более того, даже переселившись (порой принудительно) в квартиры, многие бывшие жители частного сектора остаются включенными в прежние практики и прежнее сообщество. Вместе с тем состав его участников претерпевает серьезные изменения. Если большую часть советского периода частный сектор, как уже говорилось, заселяли вынуждено, воспринимая свое пребывание в нем в качестве временного, то в последние десятилетия ситуация меняется. В ходе реализации многочисленных федеральных и местных программ переселения из ветхого жилья желавшие переехать в городские квартиры и дома получили такую возможность. Оставшиеся вполне осознают, почему они здесь, чему они себя противопоставляют.

«Я несколько раз пытался, как ты говоришь, на нормальную работу устроиться. Больше на такую лажу не поведусь. Или на деньги кидают — обещают одну зарплату, а платят совсем другое. И все у них всегда по закону, все правильно. Или еще хуже — ты для них как слуга. Последний раз я в СТО устроился. Так мне хозяин говорит: „Сгоняй мне за пивом“. Я ему: „Я тебе не слуга“. Он орать.

Я ему в лобешник. И уволился. Лучше я здесь сам на себя машины почию» (мужчина, 35 лет, житель частного сектора).

Стоит отметить, что поводом для конфликта становится даже не несправедливая, по мнению респондента, оплата труда, а попытка низвести его до уровня слуги, нарушение равенства, специфических эгалитарных установок. Этот мотив звучит почти во всех интервью. Хотя в числе причин, по которым респондент предпочитает жить в частном секторе, фигурируют и материальные соображения, более значимым оказывается стремление огородить себя от вторжения («начальства») в область ценностей, в сферу самосознания.

Поскольку существенная часть жителей частного сектора — люди пожилые, искомая справедливость в интервью часто ассоциируется с советской эпохой. Соответственно, современность воспринимается прежде всего как покушение на чувство собственного достоинства «простого человека».

«Я при СССР уважаемым человеком был. Герой труда. Мне секретарь горкома считал за дело руку пожать. А потом эта свистопляска с Горбачевым пошла. Народ посокращали, все закрылось. Вот, оказалось, иди ты, родной, на поклон к спекулянтам. Может быть, они тебя возьмут куда. Или сам становись спекулянтом. А я не могу. Я советский человек. Не могу я так. Вот и продал квартиру. Теперь в доме своем живу. Вот картошку сажу. На выпить и закусить хватает» (мужчина, 71 год, житель частного сектора).

В частном секторе появляются и новые жители. Иногда, как в приведенном выше интервью, это люди, не принявшие постсоветскую реальность, осознанно противопоставившие ей свой образ жизни, иногда — горожане в первом или «полуторном» поколении, решившие на старости лет перебраться поближе к земле. Есть и просто жертвы жизненных перипетий.

«А меня дети так вот поселили. Оба образованные. Зять Новосибирский университет закончил, кандидат наук. Дочка тоже училась — в Хабаровске. Я во всем себе отказывала, только бы ей образование дать. Сам знаешь, сколько за Нархоз²⁷ платить надо. Потом они в общаге жили. Я сама их и позвала к себе. У меня двушка была — есть — на „Рыбаке“²⁸. А когда внучку родили, тесно стало. Они мне здесь домик и купили. Как раз в Чегдомыне сестра моя померла. Квартира от нее осталась. Продали ее, и домик купили. Теперь вот тут живу. Трудно. Дети и забыли, наверное, когда приезжали» (женщина, 74 года, жительница частного сектора).

Но более массовой категорией новых жителей районов частной застройки являются иные группы. Одна из них возникла в конце 1990-х годов в связи с реализацией программы переселения жителей Крайнего Севера в более комфортные места. По существу, выбор, открывавшийся перед такими переселенцами, был очень невелик — Хабаровск или Владивосток. Средств для переезда в западные регионы страны (основной региональный тренд²⁹) у них не было, а в других

²⁷ Хабаровская академия экономики и права.

²⁸ Вернакулярный район города.

²⁹ Мкртчян 2013.

городах Дальнего Востока было намного хуже с работой. Самым же оптимальным вариантом жилья в Хабаровске были дома в частном секторе — дома в пригороде стоили не намного дешевле, а проживание в них предполагало повышенные расходы на ЖКХ и транспорт, поскольку работа-то была в городе. Другую группу, четко обозначившуюся в «нулевые» годы, составляют те, кто стремится жить в своем доме. Правда, дом этот мыслится как коттедж, но, поскольку денег на коттедж не хватает, приобретается дом в частном секторе в надежде со временем его перестроить.

«Пожил я в высотке. Врагу не пожелаешь. То лифт отключат, то воду, то отопление — тем более зимой. Не хочу. Или какой-то долбодятел ремонт начнет. Хоть я сам даже. Это же всему дому покоя нет. Я как с бабой моей, женщиной, сошелся, сразу понял, не хочу. Вот здесь я сам себе хозяин. Есть печь, есть котел. Движок поставил, если свет накроется. Красота. Хочу — самогон гоню высшего сорта. А хочу — кино снимаю или репетирую день рождения» (мужчина, 47 лет, житель частного сектора).

При том что новых жителей было совсем не мало, они входили в уже существующее сообщество, принимали его правила игры, его систему ценностей. Попробуем обозначить эти ценности и связанные с ними модели деятельности.

Как и чем живут негородские горожане

Особое пространство предполагает и особые формы деятельности, не всегда и не вполне привычные для «городских горожан». Прежде всего бросается в глаза крайне низкий в исследуемом сообществе статус работы по найму. Здесь не принципиален даже доход. В глазах представителей этого сообщества работа по найму является рабской, работой слуги.

«Интервьюер: А где ваш муж? Почему он не устроится на работу? Вокруг же много складов, завод Балтика стоит и все в этом роде?»

Респондент: Да туда же в основном только этих набирают, ну которые с югов понаехали. Им совсем не важно ничего, где спать, где гадить. Получают копейки и горбчатся там ночами. Мой так не пойдет, он права знает, и за такие деньги — да ну его. Он по жизни больше опытный, знает, куда и чего. Не пропадем» (женщина, около 30 лет, жительница частного сектора).

Это не значит, что все жители частного сектора сторонятся легальной работы. В интервью приводились вполне легальные формы занятости: уборщица, лаборант, повар в кафе, некоторые другие. Но отношение к ним довольно специфическое. Главное достоинство рабочего места видится в том, чтобы не «от сих до сих». Хорошая занятость предполагает свободный график с возможностью уйти с работы в любое время. Сама же значимость рабочего места определяется двумя соображениями. Во-первых, наличие легального найма позволяет

подключиться к государству или муниципалитету как распределительному центру (пособия, иные формы материальной поддержки и т.д.). Во-вторых, какие-то виды занятости открывают доступ к ресурсу, необходимому для «настоящей» работы (например, к пищевым отходам, которыми можно кормить свиней).

«Настоящая» занятость негородских горожан достаточно разнообразна. Некоторые ее виды с привычной точки зрения откровенно стигматизированы. К их числу относится, в частности, «собирачество» по помойкам и свалкам. Подчеркнем, что речь идет отнюдь не о бездомных — те, как отмечали респонденты, *«почти все вымерли, кто от мороза, кто от „синьки“»*. У наших же «собираателей» есть свое жилье или, во всяком случае, доступ к жилью (в интервью упоминаются владельцы квартир и домов, у которых проживает до десятка постояльцев). Причем привлекают их далеко не все помойки и свалки. Особенно ценятся свалки просроченных продуктов возле продовольственных супермаркетов — там кормятся десятки семей. Ценной оказалась и помойка возле общежития иностранных студентов.

«Ну, понимаешь, тут студенты же, ну и китайцы всякие, они много новых хороших вещей тут выносят, кто кроссовки вот [показывает на свои ноги], кто даже по дому штучки всякие, иногда и теплую одежду или еще чего. Ну и, бывает, даже холодильники, двери деревянные» (женщина, около 30 лет, жительница частного сектора).

Впрочем, есть и обычное собирачество. Ягоды, грибы, дикоросы собирают и для себя, и на продажу. Охота и рыбалка в коммерческих целях, судя по интервью, не практикуются — эти виды деятельности ориентированы на самообеспечение. О набегах на окрестные дачи и соседние огороды респонденты отзываются негативно, не отрицая, однако, наличия подобных практик.

«Да, есть такие. Но у них, я думаю, тоже какой-то дом есть тут. Они летом в землянках каких-то прячутся, таскают по мелочи, но не серьезно. <...> А воруют с огородов, да все там воруют, шпана, с университета вашего уборщицы всякие, мы их тут часто видим. Да там и огороды такие, веревкой обтянуты, захочешь есть, вряд ли мимо пройдешь» (женщина, около 30 лет, жительница частного сектора).

Но бóльшая часть «кормящих» видов деятельности вполне производительна, во многом напоминая «гаражную экономику», описанную в работах группы Симона Кордонского³⁰. Собственно гаражи вблизи территорий частного сектора (особенно те, что поставлены без разрешения мэрии) тоже активно обживаются, служат местом локализации многочисленных промыслов местного населения. (В интервью упоминались пункт сбора металлолома, автомастерские, сантехнические мастерские, производство мебели, ремонт компьютеров и многое другое.) Здесь же протекает значительная часть «общественной коммуникации» в форме совместных посиделок, помощи в работе тому, кто набрал слишком много заказов, просто общения. Более того, такие гаражи

³⁰ См., напр. Селеев и Павлов 2016.

выступают в качестве «места встречи» сообщества частного сектора и городского сообщества, особого квазипубличного (для своих) пространства. Местные здесь общаются, «тусуются», живут, пришлые (иногда бывшие местные) — работают. Но важно, что и пришлые вынуждены принимать местные правила игры.

Однако гаражи не единственное общественно-деловое пространство жителей частного сектора. Не менее важную роль в этом плане играет сам дом. Он не только место проживания, но и место трудовой деятельности, которая не выделяется из «жизни», а полностью вплетена в нее. В интервью отмечалось содержание свиней и кур, производство самогона, продуктов питания.

«Ну, честно сказать, я когда в такси работал, меня достало все. „Яндекс“ все время химичит. Клиенты — идиоты. Вот я их и послал <...> Теперь вот дома сижу. Баба моя, женщина, работу работает. А я тоже. Только немножко и на себя. Я с детства готовить любил, с мясом возиться. Вот и делаю всю эту фигню [фарш и котлеты на продажу]. Ну, самогон творю. Как без него? Продаю, сам знаешь, по своим. Тем, которые стучать не будут. Тебе вот продаю» (мужчина, 47 лет, житель частного сектора).

Огородничество в частных домах встречается несколько реже. Для этого используется «ничья» земля, пустыри, примыкающие к частному сектору или бывшему частному сектору, недавно застроенному многоэтажными домами, в которые переселяли в том числе и жителей усадебной застройки. Там — как правило, в некотором удалении от магистралей, да и вообще от возможности быть увиденными — располагаются огороды, иногда достаточно серьезно обустроенные (шалаш или иное строение, яма для сбора воды, деревянная ограда). «Огородники» — самая возрастная из встретившихся нам групп. Если возраст «промысловиков» колебался между 30 и 50 годами, то здесь самому младшему респонденту было ближе к 70-ти. Выращивают в основном для себя. Гораздо реже — на продажу.

«Отличное удобрение. Теперь картошечка будет всю зиму кормить. Я для себя сажу. Продавать? Только если остается. Вот весной останется, тогда и продам. Некоторые и сейчас продают. Adjiku делают. Тоже продают. Я этого дела — торговли — не люблю» (мужчина, 83 года, житель частного сектора).

Важным промыслом для жителей частного сектора становится обслуживание близлежащих дачных и коттеджных поселков. В интервью упоминались ремонт дачных домиков, строительство бань, благоустройство участков, производство саженцев и некоторые другие виды деятельности. Этот промысел предполагает уже определенный уровень организации, иерархию. Имеется «бугор» — руководитель временного коллектива (как правило, на сезон), обеспечивающий контакт с заказчиком, выступающий для него гарантом качества работы. Ему же обычно принадлежит техника, используемая в работе. В зимний сезон, когда работа на дачах замирает, те же работники

переключаются на ремонт квартир. Встречаются «старшие» и среди «гаражников».

Выше мы уже говорили о том, насколько значимым для исследуемого сообщества является социальное равенство, эгалитарность. В силу этого наличие «старших», «бугров» и иные элементы иерархии обретают весьма своеобразную форму. Довольно показателен в этом смысле рассказ одного из респондентов о фактическом найме владельцем автомастерской работников «на районе» под видом дружеской помощи. «Помощь» эта была вполне возмездной. И хотя плата не оговаривалась заранее, заплатить мало означало не только обидеть работников, но и нанести почти непоправимый ущерб собственной репутации. Вместе с тем оплата может быть и совсем небольшой, почти символической: *«Бывает, что после работы посидим с пузырьем, и все нормально»*. Размер и форма оплаты, по словам респондентов, зависят от того, кто «просит помочь», от восприятия этого человека. Важно, что даже при найме сохраняются отношения равенства, что подчеркивает и равенство в одежде. Судя по наблюдениям, любой элемент статусного потребления (дорогой телефон, часы, костюм и т.д.) вызывает в описываемом сообществе негативную реакцию. Сам же наем тоже не создает особого пространства «работы», а погружен в сеть повседневных контактов.

«Работодателю» (даже «чужаку») такое положение вещей сулит немалые бонусы. Погруженность в сети местных контактов не просто делает наем работников необременительным, но и служит основой быстрого информирования в случае внезапного вторжения представителей власти.

«Конечно, я здесь многим помогаю. Нет, я не мать Тереза. Даже близко нет. Просто я здесь вырос. Это же люди, с которыми я учился в школе, в технаре. Их родители мне в детстве конфетку давали. Что же я сегодня их детям помочь не могу, если бабки есть? Конечно, помогу. И сам посмотри. Захотят меня прищучить <...> Они только подумают о проверке, а меня уже предупредили» (мужчина, 52 года, владелец «гаражной» автомастерской).

Не меньшую роль в регулировании отношений внутри сообщества играет уважение. Именно «уважаемые люди» становятся «буграми», «старшими». Они разрешают споры и конфликты, выступают гарантами выполнения договоров и т.п. Но уважение — это не должность. Оно не связано с обладанием каким-то имуществом или силовым ресурсом. В принципе, как подчеркивают респонденты, «жадничать» у них «не принято».

Трудовая деятельность позволяет обеспечить базовые потребности. Остальное воспринимается как избыточное. Гораздо важнее оказывается коммуникация, основанная на уважении. Уважением наделяет сообщество, и оно же вполне может лишить его, если человек ведет себя не как «уважаемый». Уважение необходимо проявлять, прежде всего уважение к сообществу, что подразумевает соблюдение принятых норм,

поддержание «правильных» форм коммуникации. Непроявленное уважение не только автоматически выводит человека за рамки коллектива, но и выталкивает его за пределы созданного коллективом пространства.

«У нас тут было один орел объявился, весь такой высокий и гордый. Гараж купил, на джипе приезжал. Народу поляну не накрыл, с уважаемыми людьми не поговорил. Потом стал работников искать — какую-то мебель делать. Его все просто послали по адресу. Он каких-то бичей нанял, возил их на работу и с работы. Ну, им быстро объяснили, что им здесь делать нечего. Они и слиняли. А потом и орел слинял. У нас не по-людски нельзя» (мужчина, 52 года, владелец «гаражной» автомастерской).

Третий важнейший элемент — помощь. Судя по интервью, взаимопомощь и взаимовыручка выступают важнейшими характеристиками описываемого сообщества. Прежде всего, конечно, речь идет о взаимопомощи в хозяйственной жизни, в самообеспечении. Выше отмечалось, что именно так воспринимается и трактуется устный наем. Но сам тип отношений распространяется намного шире. В интервью «огородников» говорилось о взаимопомощи в процессе посадок, об обмене саженцами. В складчину нанимались и работники для создания водосборных емкостей. В целом именно плотное и «уважительное» общение, активный обмен воспринимаются респондентами как едва ли не главное достоинство их образа жизни.

«Я всю жизнь на людях прожила. Работа, семья большая была. А теперь совсем одна осталась. <...> Еще и квартира на восьмом этаже. Раньше выйдешь во двор, хоть с соседкой словом перебросишься. А в нынешних домах никто и знать ни с кем не хочет. Остается только помирать тихонько. Я только здесь [на огороде] и живу. Люди кругом хорошие. Разные. <...> Все лучше, чем в четырех стенах сидеть. Даже болячки проходят. И на зиму припасы заготовлю» (женщина, 68 лет, пенсионерка, бывшая жительница частного сектора).

Таким образом, формируется не просто одно из городских сообществ, но сообщество с собственной системой ценностей (эгалитарность, уважение, взаимопомощь) и сложившимся образом жизни, где работа и досуг не разделены и вполне осознанно противопоставлены «городскому миру». Плотная коммуникация, постоянный обмен выступают основой для выживания. Но они же являются и инструментом противостояния агрессивной внешней среде.

Наступление города, предстающее в большинстве интервью в качестве негативного фактора, вызывает не столько «городские» формы протеста, фиксируемые политологическим инструментарием³¹, сколько рутинные формы сопротивления, в той же мере влеченные в образ жизни, что и хозяйственные и коммуникативные практики. Однако прежде чем переходить к практикам сопротивления, опишем «внешний» взгляд на эти негородские пространства города. Именно он объясняет причины как агрессивности внешней среды, так и противостояния ей.

³¹ Conge 1988.

**Властный взгляд
на негородские
пространства
и взгляд
городских
не-горожан
на власть**

О стигматизации негородских пространств уже не раз писалось в исследовательской литературе³². Отмечается подобное и в российских городах³³. При этом стигма здесь ощущается и на уровне массового восприятия.

«У нас в Северном „шанхаек“ и других бичевников, считай, что уже и не осталось почти. Но у нас все бичи, как мне кажется, в гаражи переселились. Там и живут. Я, если иду с электрички, стараюсь никогда угол не срезать через гаражи. Даже когда очень тороплюсь. Как говорят, целее будешь» (женщина, 59 лет, учительница).

Это не просто опасные пространства. Для большей части горожан их, можно сказать, не существует. Туда не ходит общественный транспорт, там нет торговых центров и досуговой инфраструктуры, нет дорог и дорожек. И поскольку в этих пространствах отсутствуют знаки, которые горожане привычно считывают как знаки города, такие локации выпадают из их восприятия города как целостного объекта³⁴.

«Ну, за Политэном есть госпиталь пограничный. Дома всякие на Ламанше³⁵, гаражи какие-то. А там дальше, аж до „Самбери“³⁶, считай, что и нет ничего. Я там и не бываю. Что там делать?» (женщина, 59 лет, учительница).

Обжитыми эти пространства являются только для «своих», для «тех, кто знает». Собственно, гаражи и немногочисленные дома-мастерские, выходящие на большие улицы, выступают своего рода «точками входа», где возможна коммуникация жителей города и не-города³⁷.

Но если для значительной части горожан этих пространств просто нет, то взгляд городской власти гораздо более сложный, причем взгляд представителей административного ее крыла отличается от взгляда правоохранителей. Что касается администрации, то для нее такие негородские территории — это «перспектива». То есть сейчас они временно пребывают в запустении, но скоро будут застроены и благоустроены.

«Как это мы не видим частный сектор? Это... неправда. Он есть на всех планах. Разрабатываются программы, чтобы там сделать лучше. Конечно, сразу все не выходит. Все зависит от финансирования, от наших возможностей. Сами понимаете, застройщикам эти территории не очень интересны. Им хочется в центре, хоть песочницу — лишь бы дом втиснуть. А в частном секторе и с водопроводом сложно, и с дорогами. Но мы работаем. Нельзя сказать, что мы его не видим» (женщина, 47 лет, сотрудница городской администрации).

Сама эта работа принимает форму разработки планов по застройке частного сектора. Иногда эти планы воплощаются. Респондент указывает на возведение на месте частных строений супермаркетов, многоэтажных домов, особо отмечая появление тротуаров (почти совсем отсутствующих в частном секторе) и автобусных остановок. Но, пожалуй, главную свою задачу администрация видит в том, чтобы сделать эти пространства более безопасными.

³² См., напр. Wasquian 2016.

³³ Казакова 2017.

³⁴ Карпов 2001.

³⁵ Народное название ул. Бондаря.

³⁶ Супермаркет.

³⁷ В одном случае эту функцию выполняла квартира в многоэтажке, где проживала переселенная из частного сектора семья.

«Вы же не хуже меня знаете, что такое эти „деревяшки“. Во-первых, антисанитария полная. Это сегодня, когда пандемия идет везде. Там вода проведена далеко не везде. Своя баня тоже не у всех есть. Везде мусор, грязь. Во-вторых, это угроза пожара. Там печи у многих. Дома деревянные. Ну и криминал там, бытовые всякие преступления. Все это — наша головная боль. Мы постоянно работаем, чтобы как-то оградить город от всего этого» (мужчина, 51 год, сотрудник городской администрации).

Представители правоохранительных органов делают упор на криминальную обстановку в этих локациях. «Обвинения» вполне стандартные. Там процветает алкоголизм, причем не только пьют сами, но и производят самогон (которым люди травятся) на продажу. Там скрываются всевозможные преступники, воры, сотнями живут нелегальные мигранты, которые тоже все преступники. Но, наверное, самым частым «обвинением» в адрес негородских горожан является распространение наркотиков. О тайных наркопритонах говорят и гражданские служащие, и полицейские.

То есть в глазах и администрации, и правоохранителей эти территории не просто пустые, но грязные и опасные. Как показывает серия интервью с чиновниками из Иркутска, Красноярска и Томска³⁸, подобная установка характерна не только для Хабаровска. Впрочем, вероятно, это общая точка зрения властей на трущобы³⁹.

В соответствии с ней выстраиваются и действия в отношении подобных районов. Конечно, как говорится в одном интервью, оптимальным решением было бы снести эти строения и построить на их месте «нормальные» дома. Однако это не всегда удается. Между тем районы остаются на карте города. Остаются и люди, легально проживающие там. Соответственно, предпринимаются и какие-то действия. Большой частью это «профилактические мероприятия».

Поскольку в самих проблемных локациях отсутствуют помещения, где можно собрать жителей, их приглашают в здания школ, расположенных близ частного сектора, где проводят беседы о противопожарной безопасности и личной гигиене. Те же цели преследуют и подомовые обходы. То есть взрослым людям рассказывают, как мыть руки и полы, пользоваться ватерклозетами и т.д. Людям, всю жизнь топившим печи, объясняют правила их использования. И дело здесь даже не в нелепости и оскорбительности подобных мероприятий, а в конструировании специфического образа жителя частного сектора. По сути, в действиях городских властей просматривается не столько демонизация жителей негородских пространств, сколько их примитивизация.

«Конечно, там живут более или менее откровенные аутсайдеры. Образования нет, интеллекта как такового не наблюдается. Даже притязаний нет. Коптят небо, загрязняют среду. Для меня важно, чтобы они другим людям жить не мешали. Так сказать, оградить зерна от плевел. Ну и чтобы они самих себя не поубивали» (мужчина, 41 год, сотрудник краевого правительства).

³⁸ В печатном виде статьи на их основе выйдут в свет в 2021 г.

³⁹ Дуглас 2000.

Правоохранители проводят мероприятия иного рода. Это выявление проживающих без регистрации, незаконной предпринимательской деятельности, самостроя, распространения нелегального алкоголя и наркотиков и т.д. Это тоже осуществляется в форме подомовых обходов. Впрочем, как отмечают и работники администрации, и полицейские, эффективность всех этих мер крайне низка. На собрания приходят считанные единицы, от обходов скрываются, требования о сносе незаконных строений игнорируют.

Заметно более эффективным является выделение в частном секторе и на прилегающих к нему пустырях участков под коттеджную застройку. В этом случае коттеджи часто вытесняют негородские пространства, превращая их во вполне понятные для власти локации. Но и здесь все не так безоблачно, как можно было ожидать. Застройщики и сами будущие владельцы коттеджей крайне неохотно соглашались на такие участки. В данном случае играют свою роль и дурная слава района, и отсутствие инфраструктуры, и многое другое. Немалое значение имеет и то обстоятельство, что в российских условиях, в отличие от Европы и США, обитатели субурбий покидают большой город не столько в поисках тишины и экологических благ, сколько в поисках безопасности⁴⁰, в том числе безопасности от государственного контроля. Они предпочли бы сами перейти на положение «невидимок» — правда, в более комфортных условиях, чем способен обеспечить частный сектор.

⁴⁰ Григоричев 2013.

Несколько иную картину рисуют участковые, особенно те, кто давно работает в «проблемных» районах. Так, по мнению одного из наших респондентов, принадлежащего к этой категории, большая часть тех ужасов, которые рассказывают о частном секторе, слабо коррелирует с реальностью. И преступность, и социальная необустроенность там не многим выше, чем в других районах.

«Наркота, говоришь? Ну как сказать. Есть, конечно. Но, думаю, что в мажорных домах в центре города ее не меньше, а может, и больше будет. Пьют, конечно. Так везде пьют. Бытовуха встречается, чего тут говорить. Выпьют мужики, кто-то кому-то припомнит — и понеслось. Только здесь они проснутся, завтра опять лучшими друзьями будут. А чтобы насмерть, такое редкость. Здесь за такое свои же уроют. Думаю, что в хрущевках бытовухи больше. И воровства больше» (мужчина, 49 лет, полицейский).

Судя по интервью с полицейскими и жителями частного сектора, между населением негородского локала и «ближней властью» вполне вероятен дружественный нейтралитет. Жители помогают «своему менту» заработать «правильные палки», он, в свою очередь, не вторгается в жизнь и нормы территории. Более того, бывают ситуации, когда «мент» выступает в роли «уважаемого человека», третьей стороны. Чужой же «мент» просто сливается с «дальней властью» с ее системой профилактических мероприятий и другими «эффективными действиями».

Гораздо сложнее отношение к «дальней власти». Городская власть и правоохранители (если они не «свои») однозначно интерпретируются как враждебные или, по крайней мере, опасные силы. От них ждут проблем и неприятностей. Именно представителей этой власти стараются избегать. К еще более удаленным представителям региональной и тем более федеральной власти отношения... не обнаруживаются. Они слишком далеки от нужд и жизни сообщества. С ними негородские горожане непосредственно не пересекаются. Поскольку телевизор здесь смотрят очень избирательно, а интернетом пользуются и того меньше, основным источником отношения выступает мифология, слухи, мнение «уважаемых людей». Причем мнение об этом уровне власти в ходе интервью приходится актуализировать с помощью прямых вопросов. В круг значимых (и просто существующих) для респондентов проблем тема взаимодействия с государственной властью регионального и федерального уровня не попадает.

Даже для людей, находящихся на периферии группы (в частности, для предпринимателей, ранее живших в частном секторе), региональная власть оказывается не особенно значимым элементом реальности.

«А что твой Ишаев? Мне он ничего хорошего не сделал. Развязки, говоришь, строил? Может быть. Но, думаю, и без него бы построили. А не построили бы, так, значит, не очень надо. Налогами душил? Душил. Это они все мастера. Своих продвигал. Но мне и это фиолетово. Это пусть крупняки переживают, как им к пирогу пробиться. А мне что Ишаев, что Шпорт, что еще кто-то» (мужчина, 52 года, владелец «гаражной» автомастерской).

Впрочем, в одном интервью прозвучало вполне позитивное отношение к региональной власти. Вернее, респондент отметил, что позитивные моменты в губернаторах тоже есть. Именно они регулируют выплаты и пособия, их опасаются городские власти — главные антагонисты. Рассуждений о федеральных властях, включая президента, в интервью не встречалось совсем. По нашим наблюдениям, высший ярус государственной власти в глазах представителей исследуемого сообщества располагается примерно там же, где пребывают рептилоиды, бермудский треугольник или масонский заговор. Разговор о них для респондентов сродни светским разговорам о погоде или, точнее, о грядущем всемирном потопе.

Такое избегающее или игнорирующее отношение сохранилось и во время активных городских митингов протеста против ареста губернатора Сергея Фургала летом-осенью 2020 г. Но не в меньшей степени здесь проявилось различие между «цивилизованными горожанами» и обитателями негородского пространства. В целом, судя по интервью, отношение последних к Фургалу было более позитивным, чем к его предшественникам. Однако связано оно не столько с личностью или деятельностью экс-губернатора, сколько с его начальным бизнесом — пунктами приема металла. Эта деятельность понятна для респондентов и вызывает у них одобрение. Она — одна из «кормящих» их отраслей.

«Он, считай, что из наших. Сбор металлолома — это наша тема. То, что он доктор, — это для газеты. Мало ли кто кем был. Я, например, должен был помощником машиниста быть. И что? Потому он и начальников строил. Наши все начальников сильно не любят» (мужчина, 61 год, бывший житель частного сектора).

Показателен и положительный отзыв респондента о публичных «разносах», практиковавшихся губернатором в отношении «начальников». Это тоже вполне отвечало эгалитарным представлениям негородских горожан. Летний протест воспринимался ими прежде всего как протест против «начальников», которые «убрали» человека, вписывавшегося в ценностные рамки сообщества.

Потому на первых митингах было немало жителей негородского локала. Хабаровчанин Валентин Квашников («Фредди Крюгер»), по образу жизни близкий к описываемому сообществу, стал на тот момент одним из лиц протеста. Интервью с ним выходило в федеральных СМИ, фильм о нем выложен в Сети. Однако уже к концу лета подобных фигур в рядах протестующих практически не осталось. Как представляется, на то было несколько причин.

Во-первых, на начальной (летней) стадии хабаровский протест ставил перед собой вполне местные и конкретные цели, связанные с «беспределом» силовиков, позицией мэрии и бездействием региональных политиков. Кроме того, как следует из имеющихся в нашем распоряжении материалов, была уверенность, что цели эти, осознаваемые в качестве общих, достижимы⁴¹. Но постепенно лозунги становились все более глобальными, все менее понятными и «своими» для негородских горожан. Можно, конечно, говорить о росте политического сознания митингующих. Но для рассматриваемой нами группы это был скорее разрыв с реальной почвой, пустые слова. К их жизни они отношения не имели. С этого момента представители исследуемого сообщества исчезают из числа героев митингов.

Во-вторых, сами протесты все больше напоминали реакцию посетителя высокого кабинета, на жалобу которого никак не реагирует обитатель этого кабинета⁴². Да, он возмущен, он пышет гневом, но при этом остается вполне лояльным участником детерминированного государством пространства. Члены же рассматриваемого сообщества, как мы постарались показать выше, выстраивают пространство помимо государства. Последнее может оказаться полезным, однако это отнюдь не «главный» институт, определяющий функционирование всех иных сторон жизни, а не более чем один из ресурсов выживания. Этот ресурс, вероятно, важнее помойки возле общежития иностранных студентов, но уступает по важности свалке продуктов за продовольственным супермаркетом. Стремление к тому, чтобы «протестовать, как цивилизованные европейцы», было чуждо нашим собеседникам.

Впрочем, и сами участники цивилизованных протестов относились к присутствию на митингах неуправляемых негородских горожан

⁴¹ Бляхер и Ковалевский 2020.

⁴² Бессонова 2020.

с некоторой опаской. В группах мессенджеров и социальных сетях высказывалось мнение, что их вид и поведение могут быть использованы властями для начала репрессий, а следовательно, лучше, если их не будет. Так, к обоюдному удовольствию «неправильные» горожане постепенно покинули площадь. Ушел из протестной повестки и их противник — местная власть.

Но по отношению к этому противнику, как показывает эмпирический материал, более эффективной оказывается тактика ускользания. Конечно, время от времени ситуация взрывается. Власть сносит незаконные гаражи и иные строения, застраивает пустыри, устраивает облавы на нелегальных (без регистрации) жителей. Однако это не столько некая регулярная политика по уничтожению российских фавел, сколько разовый набег. Впрочем, ожидание именно такого поведения власти (карательного набега империи на степь) и привело к появлению многочисленных форм сопротивления. Об этих формах мы и поговорим далее.

**Подчиняюсь,
но не повинуюсь.
Да и подчиняюсь
не всегда**

В одном из интервью на вопрос о том, откуда берутся рассказы о наркобаронах в частном секторе, об убийцах и грабителях, скрывающихся на пустырях и в промзонах, респондент ответил: «*Так они [жители] сами и придумывают все это*». Стигма, то, с чем принято бороться, становится в описываемых условиях ресурсом, обеспечивающим безопасность, и поддерживается рассказами самих жителей. Пространство для «внешнего» слушателя старательно экзотизируется. Его опасность и неудобство подчеркиваются. Это не только создает дополнительные препятствия для потенциальных застройщиков, но и предохраняет от посещения «чужих».

Выстраиваются и дополнительные барьеры от нежелательных проникновений. Так, «огородники» прикармливают стаи бродячих собак. И это вполне сознательное охранное мероприятие. Собаки поднимают лай, бросаются на чужих. Само их наличие сказывается на восприятии территории, отпугивает «городских горожан». Другой отпугивающий фактор — отсутствие тротуаров, открытых пространств. По частному сектору без привычки тяжело ходить, трудно ориентироваться.

Достаточно интересно «ограждаются» и пустыри, где устраиваются огороды. Конечно, «огородники» используют особенности местности, существующие лесополосы. Но в двух случаях в интервью упоминалось искусственное создание насыпи, отделяющей участок от дороги. Быть невидимым становится своего рода идеалом поведения. К невидимости стремятся отнюдь не только «огородники». Невидимыми стараются быть и жители, работающие на дому, — от кулинаров и мастеров по ремонту автомобилей до IT-специалистов. Лишь в летний период на домах, выходящих на трассу, связывающую город и дачные поселки, вывешиваются не особенно большие объявления о продаже песка, удобрений, помощи в благоустройстве дачных участков.

Тактика избегания любых контактов с властью или людьми, заповедными в близости к ней, является наиболее распространенной. Так, довольно высокий уровень отказов от интервью (более 60%) среди жителей негородских пространств, как объяснил нам один из респондентов, был обусловлен тем, что в сообществе решили, что интервьюеры — представители мэрии. Подобные визиты в негородское пространство, по мнению жителей, всегда несут в себе угрозу, даже если они оправдываются некоей благой целью. Ведь она изначально не вписана в образ жизни сообщества, а значит, опасна.

Тактика избегания базируется на тесном взаимодействии и взаимном информировании. Отсутствие широких дорог и посадок, плотное расположение домов приводят к тому, что почти любая точка локации, не говоря уже о ее «входных пространствах», кем-то просматривается. О появлении чужака (незнакомец, иначе одет, иначе себя ведет) мгновенно становится известно всем жителям, и в зависимости от его предполагаемой цели выстраивается поведение. Согласно интервью, излюбленным вариантом является прямое избегание (никого не оказывается дома). В ходе наблюдения мы сталкивались именно с таким вариантом противодействия. По словам респондентов, данная тактика задействуется при появлении «людей с бумагами или фотоаппаратами». О ней говорят и сотрудники администрации.

«С ними очень трудно работать. Нам же нужно знать, сколько там пенсионеров, как они живут. Мы ходим по домам. Это нормальная практика. Потом к праздникам для них же подарки формируем и разносим. Так эти... из „деревяшек“ разбегаются, как только к домам подходишь. Все чего-то боятся» (женщина, 47 лет, сотрудница городской администрации).

Предмет страха обозначен в интервью вполне четко — вторжение, способное разрушить жизнь респондента. Ведь большая часть ее находится в серой зоне, расположенной «мимо законов».

«Да тут и понимать нечего. Они ходят, вынюхивают, кто у меня в доме живет, откуда деньги беру. Им какая разница? Да, у меня женщина живет, не прописана. Я здоровый мужик — почему нет? Друг еще. И кому какое дело? А им, чиновникам этим, есть дело. Потом начнутся разборки. Мне оно надо? А так, на нет и суда нет. Пусть лбами мне в ворота стучатся» (мужчина, 69 лет, житель частного сектора).

Когда речь идет о возможных застройщиках, посягающих на «их землю», возможно и более агрессивное противодействие. Здесь в ход идет нападение прикормленных бродячих собак, исчезновение знаков принадлежности территории, строительных материалов.

Подобные действия далеко не всегда приводят к желаемому результату. Позволяя отпугнуть некоего конкретного претендента на участок и уклониться от тех или иных «рейдов» власти, они совершенно неэффективны против крупных застройщиков, а также городских планов, предполагающих застройку «перспективных территорий». На

месте бывших пустырей и частных строений все активнее возводятся многоэтажные дома, торговые центры и т.д. Решение о строительстве на месте частного сектора домов для бенефициаров тех или иных государственных программ часто оказывается оптимальным для городской и региональной власти.

Центр в основном застроен, за свободные участки идет серьезная борьба. В то же время в городе есть «пустые» территории. Выделение их вполне естественно. Понятно, что локальное противодействие способно разве что немного притормозить процесс, но не остановить его. Теневое бытие не предполагает отстаивания своих интересов в суде, тем более что ввиду самого образа жизни обитателей негородских пространств суд не входит в их онтологию. Точнее, он воспринимается исключительно как репрессивный институт. Так же воспринимаются и другие государственные структуры. Любая их активность осмысливается как угроза, как возможный источник насилия.

Но даже появление в тех или иных негородских локациях регулярной городской застройки далеко не всегда решает проблему. Напротив, для негородского жителя регулярная городская застройка становится «пустым» пространством, пространством «перспективного освоения». В ходе наблюдения во дворах многоэтажных домов, куда переселялись жители бывшего частного сектора, и вблизи от них нам постоянно встречались совершенно нетипичные для города посадки: помидоры, огурцы, картошка и т.д. Все это соседствовало с вполне городскими детскими площадками, беседками. На придомовых территориях люди организовывали привычное для себя хозяйство. Причем, что важно, там работали отнюдь не только «старушки», но и их дети. То есть этот образ жизни воспроизводился в следующем поколении.

Стоит отметить, что именно негородские горожане, отличающиеся гораздо более высоким уровнем межличностного доверия, сохраняющие связи друг с другом, оказываются самой активной частью жителей многоквартирных домов, часто становятся старшими по дому, председателями ТСЖ и т.д. Иными словами, они не только не растворяются в горожанах, но задают тон среди них.

Обживаются прежними обитателями частного сектора и территории, «захваченные» супермаркетами. Выше уже говорилось об активном использовании представителями исследуемого сообщества выброшенных на свалку продуктов с просроченной годностью. Более того, именно их наличие в ряде интервью называлось причиной сокращения поголовья домашнего скота и птицы в частном секторе. Особой разницы между этим и любым другим источником пищи для его населения нет. Пространство возле больших магазинов тоже обживается. Стихийные рынки, постоянно изгоняемые, но столь же постоянно возрождающиеся, заполняют его.

С одной стороны, ситуация вполне понятна: остается сообщество, которое воспроизводит привычный образ жизни в новых условиях, переосмысливая и приспособляя под свои нужды появившиеся

артефакты. Но есть и другая сторона. Совсем недалеко от города расположены поселки, образ жизни в которых практически неотличим от того, что сложился в негородских локациях города. Тем не менее жители этих локаций предпочитают оставаться в городах, переформатируя под себя окружающее пространство, даже если оно к тому не приспособлено.

Судя по интервью и наблюдениям, причина коренится в специфике самого города в России, во всяком случае — в восточной ее части. Вполне осознанно дистанцируясь от городской и иной власти, негородские горожане продолжают оставаться в пространстве города, поскольку сам город является ресурсом — точнее, распределительным центром (в терминологии чикагской школы⁴³). Более того, в условиях востока России город оказывается главным распределительным центром. Необходимость постоянной внешней подпитки избыточно населения и нерентабельного производства (новых рабочих мест) делает раздаточную экономику основой легальной хозяйственной жизни. В городах и осуществляется «раздача», распределение ресурса исходя из статуса получателя, его должности⁴⁴. И хотя исследуемое пространство и исследуемое сообщество вполне осознанно дистанцированы от государства, государственный ресурс (как и любой другой) для них значим.

В интервью упоминались детские выплаты, пособия по безработице, материальная помощь от предприятия и органов социальной опеки, материнский капитал. Все это вполне весомые средства. И отношение к ним не менее серьезное, чем к «богатым» помойкам и свалкам или к возможности выращивать овощи на «ничьих» землях. Но это далеко не все ресурсы города как распределительного центра. В свое время один из авторов этой статьи обнаружил четкую зависимость между хозяйственным взлетом в городе Биробиджане и заработной платой работников правительства автономной области⁴⁵. Нечто похожее наблюдается и в Хабаровске. Правда, бенефициаров здесь существенно больше. Помимо государственных и муниципальных чиновников, это сотрудники силовых ведомств и контрольных органов (штаб округа, окружное управление ФСБ, МВД, многочисленные федеральные службы, суд, прокуратура и т.д.).

По сути дела, именно из их зарплат финансируется досуговая инфраструктура города, центры престижного потребления. Отчасти из того же источника оплачивается строительство элитного жилья. Возникает круг вторичных бенефициаров (владельцы ресторанов и автосалонов, застройщики и т.д.). К нему примыкают предприниматели, работающие «от бюджета», высокооплачиваемые работники бюджетной сферы, РЖД. Формируется потребляющая прослойка.

Часть этого «золотого дождя» проливается и на исследуемую группу. Для того чтобы ремонт машин, производство мебели на заказ и «домашних» продуктов питания были ресурсом выживания, необходимо, чтобы эти услуги были востребованы. Слой бенефициаров

⁴³ Park and Burgess 1925.

⁴⁴ Кордонский 2008.

⁴⁵ Соловченков и Бляхер 2009.

и становится потребителем товаров и услуг, произведенных в негородском пространстве.

В удалении от города этот ресурс не исчезает, но его становится меньше, особенно если учесть, что в Хабаровске, в отличие, скажем, от Иркутска, субурбии формируются внутри города, а не в пригородах. Отсюда и стремление «не-горожан» оставаться в пространстве города, но в особом пространстве.

⁴⁶ Mumford 1961.

Здесь проявляется ключевое отличие российского города (во всяком случае, города восточной части России) от города европейского. Досовременные города Европы, как показывает Льюис Мамфорд⁴⁶, в кратчайший срок окутывали нового горожанина «панцирем» взаимных обязательств, личных, семейных, соседских и прочих уз. Они задавали жесткие условия сохранения солидарности, безопасности и стабильности, которые были намного важнее прибыльности или иной капиталистической эффективности. При этом речь шла именно о личных отношениях, противостоящих «большой политике» и большим сообществам.

⁴⁷ Бауман 2008.

Чтобы вырваться из этих пут, новой власти (и денежной, и государственной) необходимо было «выйти за стены» — на окраины, в пригороды. Обилие нового населения, которое прежний город просто не мог переварить, облегчало эту задачу. В результате возникла качественно новая структура — «город незнакомцев»⁴⁷, постепенно растворявшийся в себе остатки «города на площади». Обеспечением безопасности там ведали уже совершенно отдельные, формализованные внешние структуры, а отношения солидарности оказывались избыточными, реликтовыми.

В условиях востока России города вырастали главным образом из острогов (крепостей). Они были не столько центрами развития ремесла и торговли, сколько центрами власти, передающими властную интенцию из «главного центра» — столицы. В крупных городах региона жило «начальство», гражданское и военное, а роль посадского населения сводилась к его обслуживанию. Местные связи, местные отношения были здесь неявными, неформальными и чаще всего незаконными. Искомая городская безопасность изначально обеспечивалась (по крайней мере, декларативно) государством.

Попытки переустройства города в постсоветскую эпоху натолкнулись на противодействие его прежней формальной структуры, рассчитанной не на обеспечение благополучия и безопасности местного сообщества, а на трансляцию властного импульса. И если в 1990-е годы многие неформальные практики советских и имперских времен обрели частичную институционализацию, конкурируя с практиками города-ставки, то в последующий период формальная структура взяла верх. Все иное постепенно превратилось не просто в неформальное («мимо закона»), но в противозаконное, наказуемое. Для того чтобы сохранить зародившиеся и отчасти оформившиеся отношения солидарности, реципрокности, и возникла необходимость в дистанцировании.

* * *

Описанное выше сообщество негородских жителей города, стремящихся сохранить за собой положение невидимок, проживающих в «пустом» пространстве, обладает низким социальным статусом. Но, судя по наблюдениям и имеющимся в распоряжении авторов интервью, сходную позицию занимает и гораздо более статусная часть горожан — жители городских коттеджных поселков. И здесь желание «жить в своем доме» обусловлено поиском безопасности, причем безопасность связывается именно с наличием плотных солидарных связей, с невозможностью или затрудненностью государственного вмешательства. Конечно, тут выстраивается иная система отношений, иное пространство, иные практики. Но стремление к дистанцированию от регулируемого государством города остается.

Интересно, что именно эти локации, наряду с бывшим частным сектором, становятся центрами интенсивной хозяйственной деятельности, протекающей за пределами государства. Это не только уже отмечавшиеся услуги по благоустройству участков или строительству бань, но и гораздо более широкий спектр услуг — лесопилки, возведение коттеджей, бурение скважин, проведение воды и канализации, установка каминов и автономного отопления и т.д.

Нуждаясь в солидарном сообществе, житель российского города имеет немного возможностей обрести его в рамках сложившихся городских структур. Потому он и выстраивает свою жизнь «за городской стеной», создавая аналоги досовременных европейских муниципалитетов. В этом особом муниципальном пространстве он получает искомое — безопасность, справедливость, стабильность. Оставшаяся же «городская» часть города все больше превращается в замок феодала, откуда время от времени выходят войска, чтобы наказать «бунтовщиков».

До тех пор, пока у феодала есть понимание того, что горожане ему на самом деле нужны и полезны, а у последних — возможность «ускользнуть» от удара войск, ситуация остается стабильной. Когда же под давлением далекого сюзерена или по иным причинам набеги становятся слишком частыми, а ускользнуть не получается, население идет на штурм. Впрочем, судя по отношению исследуемой группы к тому событию, с которым ассоциируется сегодня Хабаровск, — митингам в защиту экс-губернатора Фургала, пространство для маневра еще сохранилось. Надолго ли?

Библиография

Бауман З. (2008) «Город страхов, город надежд» // *Логос*, № 3: 24—53. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (проверено 10.01.2021).

Бессонова О.Э. (2020) «Гражданские протесты как неформализованная часть института административных жалоб» // *Общественные*

науки и современность, № 1: 89—101. URL: http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/B2020/ONS_2020_Bessonova.pdf (проверено 10.01.2021).

Бляхер Л.Е. и А.В.Ковалевский. (2020) «Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах)» // *Полития*, № 4: 108—136. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-108-136.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-108-136.pdf) (проверено 10.01.2021).

Врублевский А.В., ред. (2013) *Хабаровск шестидесятых: Время надежд*. Хабаровск: РИА «Юпитер». URL: <https://nko27.ru/upload/iblock/cbb/cbb35e9fbbb2e6fd706385af89d1865b.pdf> (проверено 10.01.2021).

Глазычев В.Л. (1995) «Слободизация страны Гардарики» // Чернышев С.Б., ред. *Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1: Россия как предмет*. М.: Аргус: 63—68.

Григоричев К.В. (2013) *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Иркутск: Отгиск.

Данилов М.В. (2014) *Политизация общества в постсоветской России: институты, технологии, циклы*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.

Дуглас М. (2000) *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

Каганский В.Л. (2013) *Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта*. М.: Стрелка пресс. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/book/557/7bc/51426045/Kaganskiyi_V._Kak_Ustroena_Rossiya_Port.a4.pdf (проверено 10.01.2021).

Казакова А.Ю. (2017) «Территориальная стигма: содержание и знак оценки» // *Социальные и гуманитарные знания*, т. 3, № 4 (12): 357—368.

Карпов А.Е. (2001) «Различение. Пространство в городе» // *Социологическое обозрение*, т. 1, № 2: 59—72.

Кордонский С.Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Кулинич Н.Г. (2006) «О социальной мобильности дальневосточных городов (1920—1930-е гг.)» // *Россия и АТР*, № 4: 24—31. URL: <http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/03p24-31.pdf> (проверено 10.01.2021).

Лакшин В.Я. (1976) *Александр Николаевич Островский*. М.: Искусство.

Лейбович О.Л., А.Н.Кабацков и Н.В.Шушкова. (2004) «Большой город в постсоветском пространстве» // *Мир России*, т. 13, № 1: 91—105.

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Махрова А.Г. и П.Л.Кириллов. (2014) «„Жилищная проекция“ современной российской урбанизации» // *Региональные исследования*, № 4: 134—144.

Мелешенко А. (2017) «Дом ребром» // *Российская газета*, 15.05. URL: <https://rg.ru/2017/05/15/reg-cfo/bolee-35-tysiach-moskvichej-prinialichastie-v-mitingah-v-podderzhku-renovacii.html> (проверено 10.12.2020).

Мкртчян Н.В. (2013) «Города востока России „под натиском“ демографического сжатия и западного дрейфа» // Дятлов В.И. и К.В.Григоричев, ред. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции*,

пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков. Иркутск: Оттиск: 41—61.

Морозов П.Л. (1988) *Хабаровск: История. Современность. Перспективы*. Хабаровск: Книжное изд-во.

Павловский Г.О. (2019) *Ироническая империя: Риск, шанс и догмы системы РФ*. М.: Европа.

Селеев С.С. и А.Б.Павлов. (2016) *Гаражники*. М.: Страна Оз.

Соловченков С.А. и Л.Е.Бляхер. (2009) «Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области)» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология*, № 1, ч. 2: 134—147.

Стариков А.А. (2019) «Развитие планировочных структур городов и качество жизни граждан» // *Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии архитектуры и строительных наук по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2018 году: Сборник научных трудов*. М.: Изд-во АСВ: 475—486.

Тихонова Н.Е. и М.К.Горшкова. (2014) *Бедность и бедные в современной России*. М.: Весь мир.

Ткачева Г.А. (2013) «Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30—40-е гг. XX в.: основные теоретические подходы» // *Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения)*. Владивосток: Дальнаука: 415—423.

Conge P.J. (1988) «The Concept of Political Participation: Toward a Definition» // *Comparative Politics*, vol. 20, no. 2: 241—249.

Mumford L. (1961) *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. New York: Harcourt, Brace and World.

Renfrew D. (2013) «„We Are Not Marginals“: The Cultural Politics of Lead Poisoning in Montevideo, Uruguay» // *Latin American Perspectives*, vol. 40, no. 2: 202—217.

Park R.E. and E.W.Burgess. (1925) *The City*. Chicago: University of Chicago Press.

Scott J. (2011) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press. URL: <https://libcom.org/files/Art.pdf> (accessed on 10.01.2021).

Wacquant L. (2016) «Revisiting Territories of Relegation: Class, Ethnicity and State in the Making of Advanced Marginality» // *Urban Studies*, vol. 53, no. 6: 1077—1088. URL: <https://www4.shu.ac.uk/research/cresr/sites/shu.ac.uk/files/revisiting-territories-relegation.pdf> (accessed on 10.01.2021).

Werlen B. (1995) *Society, Action and Space*. London: Routledge.

L.E.Bliakher, A.V.Kovalevsky
WITHOUT LEADERS,
MOTTOS OR BILLBOARDS:
FIGHT FOR THE CITY
AND ROUTINE RESISTANCE
IN THE PRIVATE SECTOR OF CITIES
IN EAST RUSSIA
CASE OF Khabarovsk

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Andrey V. Kovalevsky — Ph.D. Student at the Department of Sociology, Political Science and Regional Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: fakzy79@gmail.com.

Abstract. The article examines the forms of routine resistance of the community that was established within the space of the Soviet private sector in the cities located in the eastern part of Russia. Despite active regular construction, these spaces still make up a significant part of cities. However, in contrast to the Soviet period, when living there was perceived as forced and temporary, today this form of residence is a conscious choice. The former private sector witnesses the emergence of the community, whose existence is based on values, social and communicative practices, and forms of economic activity that are noticeably different from the official ones. This community “produces space” that is appropriate to its lifestyle. For the official authorities (at the state and city levels), this space turns out to be “empty”, representing “promising areas of development”. Its population remains invisible to these authorities. This creates a latent conflict that gives rise to the forms of resistance described in the article. With all the variety of such forms, there is one main thing that unites them — people’s desire to distance from the state and the city it regulates.

The authors find out that another group of city dwellers with a much higher socio-economic status — residents of urban mansion districts — share the same aspiration. According to the authors, this desire can be explained by the fact that a resident of a Russian city has few opportunities to find solidarity community within the existing urban structures and therefore builds his/her life “outside the city wall”, creating analogs of the pre-modern European municipalities. The remaining “urban” part of the city is increasingly turning into a feudal lord’s castle that from time to time sends troops to punish the “rebels”.

As long as a feudal lord has an understanding that he really needs townspeople, and they have the opportunity to “escape” from the raid, the situation seems stable. When the raids become too frequent, and it is impossible to escape from them, the population will attack. At the moment, judging by the attitude of the group studied in the article to the rallies in defense of S.Furgal, ex-governor of Khabarovsk region, the authorities still have room for maneuver. However, for how long this situation will last remains to be seen.

Keywords: Khabarovsk, private sector, social space, local community, solidarity, routine resistance, politicization

References

- Bauman Z. (2008) “Gorod strakhov, gorod nadezhd” [City of Fears, City of Hopes] // *Logos*, no. 3. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (accessed on 10.01.2021). (In Russ.)
- Bessonova O.E. (2020) “Grazhdanskije protesty kak neformalizovannaja chast’ instituta administrativnykh zhalob” [Civil Protests as an Informal Part of Institution of Administrative Complaints] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 89–101. URL: http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/B2020/ONS_2020_Bessonova.pdf (accessed on 10.01.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E. and A.V.Kovalevsky. (2020) “Chto eto bylo? (Predvaritel’naja refleksija o khabarovskikh mitingakh)” [What Was It? (Preliminary Reflection on Khabarovsk Rallies)] // *Politeia*, no. 4: 108–136. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-108-136.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-108-136.pdf) (accessed on 10.01.2021). (In Russ.)
- Conge P.J. (1988) “The Concept of Political Participation: Toward a Definition” // *Comparative Politics*, vol. 20, no. 2: 241–249.
- Danilov M.V. (2014) *Politizatsija obshchestva v postsovetskoj Rossii: instituty, tekhnologii, tsikly* [Politicization of Society in Post-Soviet Russia: Institutions, Technologies, Cycles]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta.
- Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost’: Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Glazhychev V.L. (1995) “Slobodizatsija strany Gardariki” [Slobodization of the Country of Gardariki] // Chernyshev S.B., ed. *Inoe: Khrestomatija novogo rossijskogo samoznaniya. T. 1: Rossija kak predmet* [Other: A Textbook of the New Russian Identity. Vol. 1: Russia as a Subject]. Moscow: Argus: 63–68. (In Russ.)
- Grigorichev K.V. (2013) *V teni bol’shogo goroda: sotsial’noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of a Big City: the Social Space of the Suburb]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)
- Kagansky V.L. (2013) *Kak ustroena Rossija? Portret kul’turnogo landshafta* [How Does Russia Work? Portrait of a Cultural Landscape]. Moscow: Strelka press. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/book/557/7bc/51426045/Kaganskiy_V_Kak_Ustroena_Rossiya_Port.a4.pdf (accessed on 10.01.2021). (In Russ.)

Karpov A.E. (2001) “Razlichenie. Prostranstvo v gorode” [Distinction. Space in the City] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 1, no. 2: 59–72. (In Russ.)

Kazakova A.Yu. (2017) “Territorial’naja stigma: sodержanie i znak otsenki” [Territorial Stigma: Content and Assessment] // *Sotsial’nye i gumanitar’nye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], vol. 3, no. 4 (12): 357–368. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaja structura postsovetsoj Rossii* [Estimate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)

Kulinich N.G. (2006) “O sotsial’noj mobil’nosti dal’nevostochnykh gorodov (1920–1930-e gg.)” [On the Social Mobility of Far Eastern Cities (1920s–1930s)] // *Rossija i ATR* [Russia and the Pacific], no. 4: 24–31. URL: <http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/03p24-31.pdf> (accessed on 10.01.2021). (In Russ.)

Lakshin V.Ya. (1976) *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskij* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [La production de l’espace]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)

Leibovich O.L., A.N.Kabatskov, and N.V.Shushkova. (2004) “Bol’shoj gorod v postsovetsoj prostranstve” [Big City in the Post-Soviet Space] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 13, no. 1: 91–105. (In Russ.)

Makhrova A.G. and P.L.Kirillov. (2014) “„Zhilishchnaja proektsija“ sovremennoj rossijskoj urbanistiki” [The “Housing Dimension” of Contemporary Urbanization in Russia] // *Regional’nye issledovanija* [Regional Studies], no. 4: 134–144. (In Russ.)

Meleshenko A. (2017) “Dom rebrom” [The House Edge] // *Rossijskaya Gazeta*, 15.05. URL: <https://rg.ru/2017/05/15/reg-cfo/bolee-35-tysyach-moskvichej-priniali-uchastie-v-mitingah-v-podderzhku-renovacii.html> (accessed on 10.12.2020). (In Russ.)

Mkrtchan N.V. (2013) “Goroda vostoka Rossii „pod natskom“ demograficheskogo szhatija i zapadnogo drejfa” [Cities in Eastern Russia under the Pressure of Demographic Contraction and Western Drift] // Dyatlov V.I. and K.V.Grigorichev, eds. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. The Turn of the 19th and 20th and of the 20th and 21st Centuries]. Irkutsk: Ottisk: 41–61. (In Russ.)

Morozov P.L. (1988) *Khabarovsk: Istorija. Sovremennost’. Perspektivy* [Khabarovsk: History. Modernity. Prospects]. Khabarovsk: Knizhnoe izd-vo. (In Russ.)

Mumford L. (1961) *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. New York: Harcourt, Brace and World.

Park R.E. and E.W.Burgess. (1925) *The City*. Chicago: University of Chicago Press.

Pavlovsky G.O. (2019) *Ironicheskaja imperija: Risk, shans i dogmy sistemy RF* [Ironic Empire: Risk, Chance and Dogmas of the Russian Federation System]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Renfrew D. (2013) “„We Are Not Marginals“: The Cultural Politics of Lead Poisoning in Montevideo, Uruguay” // *Latin American Perspectives*, vol. 40, no. 2: 202—217.

Scott J. (2011) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press. URL: <https://libcom.org/files/Art.pdf> (accessed on 10.01.2021).

Seleev S.S. and A.B.Pavlov. (2016) *Garazhniki* [The Garagers]. Moscow: Strana Oz. (In Russ.)

Solovchenkov S.A. and L.E.Bliakher. (2009) “Spetsifika transformatsii rynka truda depressivnogo regiona (na primere Evrejskoj avtonomnoj oblasti)” [Peculiarities of Labor Market Transformation in a Depressed Region (On the Example of the Jewish Autonomous Region)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12: Sotsiologija* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology], no. 1, part 2: 134—147. (In Russ.)

Starikov A.A. (2019) “Razvitie planirovochnykh struktur gorodov i kachestvo zhizni grazhdan” [Development of Urban Planning Structures and Quality of Life] // *Fundamental'nye, poiskovye i prikladnye issledovaniya Rossijskoj akademii arkhitektury i stroitel'nykh nauk po nauchnomy obespecheniju razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noj otrasli Rossijskoj Federatsii v 2018 godu: Sbornik nauchnykh trudov* [Fundamental, Exploratory and Applied Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences on Scientific Support for the Development of Architecture, Urban Planning and the Construction Industry of the Russian Federation in 2018: Collection of Scientific Papers]. Moscow: Izd-vo ASV: 475—486. (In Russ.)

Tikhonova N.E. and M.K.Gorshkova. (2014) *Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii* [Poverty and the Poor in Modern Russia]. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)

Tkacheva G.A. (2013) “Oboronnyj potencial Dal'nego Vostoka SSSR v 30—40-e gg. 20 v.: osnovnye teoreticheskie podkhody” [Defense Potential of the Far East of the USSR in the 1930s and 1940s: the Main Theoretical Approaches] // *Tikhoookeanskaja Rossija v mezhsivilizatsionnom i obshcherossijskom prostranstve: proshloe, nastojashchee, budushchee (Sed'mye Krushanovskie chtenija)* [Pacific Russia in the Inter-Civilizational and All-Russian Space: Past, Present, Future (Seventh Krushanov Readings)]. Vladivostok: Dal'nauka: 415—423. (In Russ.)

Vrublevsky A.V., ed. (2013) *Khabarovst shestidesjatykh: Vremja nadezhd* [Khabarovsk of the Sixties: A Time of Hope]. Khabarovsk: RIA “Jupiter”. URL: <https://nko27.ru/upload/iblock/cbb/cbb35e9fbbb2e6fd706385af89d1865b.pdf> (accessed on 10.01.2021). (In Russ.)

Wacquant L. (2016) “Revisiting Territories of Relegation: Class, Ethnicity and State in the Making of Advanced Marginality” // *Urban Studies*, vol. 53, no. 6: 1077—1088. URL: <https://www4.shu.ac.uk/research/cresr/sites/shu.ac.uk/files/revisiting-territories-relegation.pdf> (accessed on 10.01.2021).

Werlen B. (1995) *Society, Action and Space*. London: Routledge.